

Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, открывает ее и говорит ему: „Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!“. И выпускает его на „темные стогна града“. Пленник уходит.

— А старик?

— Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее» (9, 330).

Не за эту идею, как здесь совершенно ясно, целует Христос Великого инквизитора, а за его сердце, хотя и безумно, хотя и на свой лад, но любящее человечество. Любовь же (и эта мысль проведена в романе сознательно, последовательно и без всяких уклонений) есть дело божье. Вот почему поцелуй Христа есть не только признание Великого инквизитора, как, может быть, хотел Иван, но (это никак нельзя опускать) и приговор ему. Целуя этого своего «отступника» и богоборца, сознательно идущего путями дьявола, Христос, если пользоваться выражением древних памятников, «убивает» его «дыханьем уст своих», ибо отменяет свое и божье в душах тех, кто против бога выступает; он обесмысливает тем самым их бунт. Но вот это последнее обстоятельство имеет в виду не Иван, автор «Великого инквизитора», а Достоевский, автор «Братьев Карамазовых», потому что оно становится ясным не из контекста придуманной героем поэмы, а из контекста всего романа, в который эта поэма помещена.³⁴

Заметим, что не только Христос целует Великого инквизитора, но и Алеша целует Ивана, и его поцелуй несет тот же двойной смысл, что и поцелуй Христа. Напомним, что когда Алеша это делает, Иван кричит с «каким-то восторгом»: «Литературное воровство!... это ты украл из моей поэмы!» (9, 331). Но для «восторга» Ивана немного оснований; и если связь Алеши с Христом никак не может унижить героя, то о сближении Ивана с Великим инквизитором этого сказать нельзя. Фигуры антихриста и дьявола возникают при этом в сознании читателя рядом с фигурой Ивана.

Здесь я хочу еще раз вернуться к кругу апокрифических сказаний. Обычно они повествуют о том, что в последние дни царства антихриста бог пошлет на землю своих пророков Илию и Еноха (иногда к ним присоединяется Иоанн Богослов) «на обличение съпостату ... и обличят прѣльст его, и покажут его лъжа прѣд всѣми человеки, и ничьсоже суща»,³⁵ за что тот в гневе своем убьет святых (иногда добавляется, что это произойдет в церкви: «... посѣчет Илию и Еноха в церкви. И мнози повѣстуют, будто от Илиины и Еноховы крови загорится земля. Но нѣсть тако»).³⁶

Обличение антихриста Илией и Енохом и убиение того и другого встречаются чаще всего как в апокрифах, так и в народных стихах на эту тему. В «Вопросах Иоанна Богослова господе на горе Фаворской» господь, однако, говорит: «тогда пошлю Еноха и Илию на обличение его, покажет лжа суща и преступника и тогда убьет Илию на жертвенищѣ и

³⁴ Мотивы божьей природы любви вынесены за пределы поэмы, равно как и противостоящие им мотивы дьявольской природы всякого зла и нечестья.

³⁵ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 226 («Слово Мефодия Патарского»); см. также другие редакции этого «Слова»: стр. 247, 267, 281. См.: К. Не в о с т р у е в. Слово об антихристе..., стр. 68; Сказание Иоанна Богослова. — В кн.: И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 408.

³⁶ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 267 («Слово Мефодия Патарского»), 167, 184 («Вопросы Иоанна Богослова господе на горе Фаворской»).